

УДК 821.161.1.09-92-98

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-302-309>

Т. В. Струкова
Орел, Россия

Tatyana V. Strukova
Orel, Russia

Анаграмма как энигматический жанр

Исследование посвящено рассмотрению структурно-семантических и композиционных особенностей поэтической анаграммы, в которой находят отражение когнитивная и языковая картина мира, а также национальная концептосфера. Отмечается, что жанр анаграммы зарождается в русской поэзии в 1820-е гг. на страницах журнала «Благонамеренный». В нем было опубликовано первое теоретическое обоснование таких энигматических жанров, как загадка, логогриф, шарада и омоним. Его автором выступил известный государственный деятель Н. Ф. Остолопов. Именно им, а также другими поэтами, активно сотрудничавшими с «Благонамеренным», были апробированы и введены в литературный обиход жанровые разновидности анаграммы: омоним-анаграмма, шарада-анаграмма, анаграмма-логогриф. Они представляли собой не только поэтический эксперимент, но и отражали литературный быт эпохи, имели полемическую направленность. Для того чтобы расшифровать кодирующую часть этих энигматических текстов, адресант должен был обладать общим уровнем когнитивного и языкового мышления с адресатом. При этом отличительной особенностью жанра анаграммы является его диалогическая структура (субъектно-адресатный строй), а неотъемлемым композиционным элементом выступают побудительные (императивные) формулировки, представляющие собой обращение к читателю, где автор дает необходимые рекомендации по правильному преобразованию закодированного описания. В статье предлагаются первые классификации анаграмм по способам представления энигматов (зашифрованных слов) и по способам создания кодирующей части (интерпретационного поля). Делается вывод о том, что анаграмма является культурно-маркированным типом текста, к художественным особенностям которого относятся стереотипность, ассоциативность, прецедентность, смысловая завершенность, прямое преобразование зашифрованного смысла.

Ключевые слова: анаграмма, энигматический жанр, кодирующая часть, интерпретационное поле, языковая игра.

Anagram as an Enigmatic Genre

This article studies structural-semantic and compositional aspects of the poetic anagram, which reflects the cognitive and linguistic picture of the world, as well as the national conceptual sphere. It is noted that the anagram genre originated in Russian poetry in the 1820s on the pages of the magazine "Blagonamerenny". It published the first theoretical justification of such enigmatic genres as a riddle, a logogriff, a charade and a homonym. Its author was the famous statesman N. F. Ostolopov. It was he, as well as other poets, who actively collaborated with "Blagonamerenny", who tested and introduced into the everyday life the genre varieties of the anagram: homonym-anagram, charade-anagram, anagram-logogriff. They were not only a part of the poetic experiment, but also reflected the literary life of the era and had a polemical orientation. In order to decipher the coding part of these enigmatic texts, the addressee had to have a common with the addressee level of cognitive and linguistic thinking. At the same time, a distinctive feature of the anagram genre is its dialogical structure (subject-addressing system). Besides, the compelling (imperative) formulations are integral compositional elements, which serve as an appeal to the reader, where the author gives the necessary recommendations for the correct conversion of the encoded description. The author proposes first classifications of anagrams based on the ways of representing enigmatics (encrypted words) and on the methods of creating the coding part (interpretation field). There is a conclusion that the anagram is a culturally marked type of the text, characterized by stereotypical nature, associativity, precedence, semantic completeness, direct transformation of the encrypted meaning.

Keywords: anagram, enigmatic genre, coding part, interpretation field, language play.

Сведения об авторе: Струкова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Орловский государственный институт культуры.

About the author: Strukova Tatyana Viktorovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages.

Place of employment: Orel State Institute of Culture.

E-mail: tatynassss@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4623-6911>

E-mail: tatynassss@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4623-6911>

Анаграмма занимает особое место в парадигме энigmatических жанров, представляющих собой систему, которая не вызывает трудностей в ее идентификации, так как обязательными структурными элементами всех существующих энigmatических жанров являются кодирующая (описательная) часть и отгадка.

С позиций прагматики энigmatические тексты в современной науке классифицируются исходя из специфики знаковых и вербальных систем и художественного кода как цифровые, или числовые (судоку, виндоку, какуро, пятнашки, сангоку, числовые кроссворды и антикроссворды и др.) и словесные (словесные кроссворды, сканворды, филворды, чайнворды, циклосканворды, кроссчайнворды, антикроссворды), а также – игровые (головоломки, загадки, шарады, анаграммы, метаграммы, логрифы и т. п.) [1: 12].

При этом основным жанровоопределяющим признаком энigmatического текста, по мнению большинства исследователей (М. В. Волкова, Е. А. Денисова, Е. А. Селиванова, Н. Г. Титова и др.), оказывается двухсоставная структура: наличие энigmat (объекта действительности, закодированного в загадке) и энigmatатора (предмета «замещения»).

Стоит также отметить, что практически все перечисленные разновидности энigmatических текстов (кроме числовых) имеют сходное функциональное назначение (испытание догадливости и сообразительности, интеллектуальный тренинг, развлечение, игра), коммуникативный компонент (наличие адресата и адресанта высказывания). Дифференциальными признаками энigmatического текста в такой системе координат могут быть признаны вопросно-ответная структура, особая коммуникативная направленность, информационная самодостаточность и содержательная завершенность [2: 9].

Жанр анаграммы, наряду с логрифом, шарадой и омонимом зарождается в русской поэзии в первой половине XIX в. Построенный по принципу языковой игры, он представляет собой «перестановку в слове или группе слов букв, в результате чего образуется новое слово или ряд слов иного значения» [3: 28–29]. Анаграммой также называют и «словесную игру, в которой возможно обратное чтение слов или фраз» [1: 18]. В отличие от логрифа, в основе которого лежит «словесная игра, заключающаяся в том, что из букв одного длинного слова составляются другие

короткие слова» [3: 146–147], расшифровка кодирующей части анаграммы предполагает перестановку букв в исходном слове посредством чего адресант образует ряд новых слов. Интерпретационное поле анаграммы воссоздает стереотипные представления образованного общества в разные периоды его развития с учетом специфики национальной концептосферы. Процесс преобразования описательной части анаграммы предполагает апелляцию к когнитивной и языковой картине мира адресанта.

Первые примеры стихотворных анаграмм появились в печати в 1820 г. на страницах журнала «Благонамеренный», редактором которого был Александр Измайлов. Этот журнал активно полемизировал с «Невским зрителем» В. К. Кюхельбекера, но конкретной художественной программы не имел: по мнению исследователей, за этой неопределенностью «скрывалась его охранительная идеология» [4: 189]. Постоянным автором «Благонамеренного» был Н. Ф. Остолопов – крупный государственный деятель, «в часы отдохновения» занимавшийся литературой и журналистикой. Именно он был автором «программного документа» о развлекательных жанрах – статьи «О загадке, логриффе, шараде и омониме» [5: 21]. Художественной особенностью загадки Остолопов считал описание некоего образа, который в тексте не назван и который раскрывается посредством указания на его функции и характерные действия: «Загадка есть краткое сочинение, большею частью в стихах, в котором без наименования вещи изъясняют ее через подобно значащие слова, через описание причин, действий, свойств и тем побуждают желание к открытию его значения. Загадка не должна быть так ясна, чтобы отгадать ее не стоило почти никакого труда; она не должна быть и столь темна, чтоб отгадать ее было невозможно» [6: 95–96]. Логрифф, по верному замечанию автора статьи, отличается от жанра классической загадки тем, что в нем зашифровано «не вещь, а слово». Принцип словесной (буквенной) игры, служащий основой преобразования кодирующей части этого жанра, заключается «в отделении некоторых букв от слова или в переставлении слов и букв», в результате чего «выходят другие слова, ясный смысл заключающие, и каждое из сих вновь открытых слов, так же как и то, от коего произошли они, описываются в виде загадки» [6: 98]. Становится очевидным, что логрифф рассматривается Остолоповым

как жанровая разновидность загадки, имеющая сходную семантическую и структурную организацию, но предполагающая иные механизмы расшифровки ее кодирующей части.

Основные тезисы статьи Н. Ф. Остолопова подтверждались многочисленными логограммами, анаграммами, шарадами, омонимами, опубликованными в журнале в 1820–1824 гг. В основе многих анаграмм, созданных авторами «Благонамеренного», лежит принцип языковой игры, заключающийся в обратном чтении зашифрованных слов (или слова), а также в перестановке слогов в исходном слове:

В шкафах и сундуках нередко обитаю;
На солнце не смотрю и света убегаю,
И хоть животное невидное собой,
Но причиняю вред большой.
Прочти наоборот – иду в употребленье:
Коль нужно лед колоть или ломать строенье
(*моль – лом*) [7: 176].

Читатель! Просто я скажу,
Что обонянию служу;
Обратно – днем я ухожу,
А вместе с ночью прихожу
(*нос-сон*) [8: 204].

Как есть читай меня – я буду житель вод,
Которым в пост питается народ;
А слоги разместя мои наоборот,
Прочтешь, как чернь зовет своих господ
(*рыба-бары*) [9: 80].

В анаграммах отдельных авторов «Благонамеренного» находит отражение литературная полемика 1820-х гг. В одной из анаграмм Ф. Слуткин, используя прием иронии, призывает современных поэтов объективно оценивать свой творческий потенциал, поскольку это позволит им избежать негативных отзывов со стороны читающей публики и литературных критиков. С этой целью в качестве одного из энigmatов им используется имя персонажа древнегреческой мифологии Икара – сына мастера Дедала, соорудившего крылья, скрепленные воском, чтобы спастись с острова Миноса. Икар проигнорировал наставления своего отца и, увлекшись полетом, поднялся очень высоко, прямо к солнцу, лучи которого растопили воск. В результате он упал в воду и утонул [10]. Использование прецедентной образности, а также упоминание горы Парнас подчеркивает сатирический пафос концовки анаграммы:

Там, древни где Цари Египта обитали,
Меня вы, странствуя, найдете без труда;
Перемешав, меня на стол ваш подавали
И при себе имеете всегда;
Перемешав еще, животных тех представлю,
Что в пищу можете и в пост употреблять.

Еще перемешав – род сводов я составлю;
Но ежели меня в четвертый раз смешать,
Урок подам собой, как стихотворцам должно
Взбираться на Парнас умно и осторожно
(*Каир-икра-раки-арки-Икар*) [11: 79].

В отличие от предыдущей анаграммы языковая игра, приняв участие в которой автор побуждает читателя, заключается в перестановке букв в начальном слове и образовании новых слов. При этом в тексте сохраняется установка на стереотипность отраженной в нем языковой картины мира, а также на стандартность мышления.

Встречаются в журнале «Благонамеренный» примеры омонима-анаграммы, в основе которого лежит не только механизм одинакового обратного прочтения зашифрованных слов, но и принцип смысловой многозначности:

Оружье древних я – и я же горький плод,
Который в кушаньи у нас употребляют
И очень часто насыпают
В ту вещь, которую мой кажет оборот
(*лук – кул*) [7: 268].

Согласно определению Н. Остолопова, омоним представляет собой «тождество или соименник», который создается следующим образом: «должно найти слово, которое имело бы различные значения и каждому из сих значений делать особенное определение по правилам простых загадок, т. е. стараться, чтобы сии определения не были слишком ясны, ни слишком темны и затруднены для отгадывания» [6: 103]. В своем определении Остолопов, как специалист в области поэзии, делает акцент на том, что зашифрованное в омониме слово непременно должно являться многозначным, а кодирующая часть должна обязательно содержать указание на дифференциальные признаки художественного образа, но при этом не называть их прямо.

В творчестве авторов, сотрудничавших с журналом «Благонамеренный», встречается также такая жанровая разновидность, как шарада-анаграмма. Отличие шарлады от анаграммы заключается в том, что в ней зашифровано несколько слов, одно из которых «разделенное на составляющие оно слоги, производит другие слова полный смысл имеющие, и когда во первых каждая их таковых частей, а потом и целое слово, объясняются, или описываются по правилам загадки, то есть без наименования самой вещи, а посредством подобно значащих слов...» [6: 99–100]. В своем определении Н. Остолопов поясняет, что закодированное в шараде слово разбивается на несколько составных смысловых частей, которые представляют собой полноценные слова. В шараде-анаграмме анонимного автора журнала закодировано пять разных слов,

первое из которых разделяется на составляющие его слоги, каждому из которых при этом свойственно самостоятельное (законченное) лексическое значение. В результате получают три отдельных слова: Со (предлог) – Кол (орудие труда и быта) = Сокол – птица из семейства хищников:

Начальное свое в предлогах нахожу;
Концом же я своим крестьянину служу:
 Им пажить от скота его оберегаю,
 Дрова ему и свет нередко доставляю;
 А *весь* в Естественной Истории найдусь
 И к хищным птицам отнесусь.
 Но чтобы городом явиться,
 В порядке только букв мне стоит измениться.
 Нас двое одного
 В губернии одной названья; для того
 Эпитеты всегда почти к нам прибавляют
 И тем от одного другой град отличают.
 Теперь в другой ряд вас прошу меня смешать
 И летом па полях, на пашнях всех искать:
 Крестьянами на них всегда я засеваюсь,
 Притом же не один, во множестве рождаюсь
 И множество детей на свет произвожу,
 От коих после вновь я сам происхожу.
 Когда бываю я с детьми, то уважаюсь –
 Без них и с стебельком я под ноги бросаюсь
 (*Со-кол – Оскол – Колос*) [12: 286–287].

Для того чтобы расшифровать кодирующую часть шарады-анаграммы, адресант должен обладать общим уровнем когнитивного и языкового мышления с адресатом. Поэтический текст предназначен для образованного читателя, располагающего определенным уровнем знаний по грамматике, географии, естественным наукам. Очевидно, что функциональным назначением шарады-анаграммы становится не только языковая игра, но и интеллектуальный тренинг.

В творчестве поэтов XIX в. (в частности В. Алферьева, автора книги «Загадки на святки» 1831 г.) есть также примеры анаграммы-логогрифа, расшифровка кодирующей части которой заключается не только в обратном чтении зашифрованного слова, скрывающего новые смыслы, но и «в отделении некоторых букв от слова» (удалении первой буквы или первого слога, именуемого «головой»):

Прочти меня вперед: я званье небольшое,
 При том смешное;
 Когда ж назад меня изволишь прочитать:
 То можешь мною ты писать и рисовать. –
 А кто без головы смешное прочтает:
 По музыке меня, наверно, угадает
 (*шут-тушь-Ш*) [13: 7–8].

Как показывают приведенные примеры, отличительной чертой жанра анаграммы является его диалогическая структура (субъектно-адресатный строй). Неотъемлемым композиционным элементом выступают побудительные

(императивные) формулировки, представляющие собой обращение к читателю, где автор дает необходимые рекомендации по правильному преобразованию закодированного описания и нахождению его вербального обозначения: «Прочти наоборот...»; «Как есть читай меня...»; «Прочти меня вперед...»; «А слоги разместя мои наоборот,/Прочтешь...»

В творчестве поэтов XX в. преобладает жанр классической анаграммы. Он активно разрабатывается И. Рябовым («В часы досуга» 1955 г.), А. С. Шлыковичем («Нам не скучно» 1964 г.), В. Кремневым («Русская красавица» 1992 г.), а также авторами, сотрудничавшими с периодическими изданиями для детей: «Для наших детей», «Жаворонок», «Незабудка», «Труд и забава», «Пионерская правда». Названия книг и журналов указывают на то, что их авторы и составители делали акцент на развлекательной направленности анаграмматического жанра и рассматривали его как средство заполнения досуга.

По способу представления энigmatов (зашифрованных слов) русские поэтические анаграммы XIX–XX вв. подразделяются на номинативные, локативные, темпоративные, дестинативные и каузативные.

Кодирующая часть *номинативных* анаграмм, как правило, включает упоминание стереотипных фактов и наименований, географических названий, имен и фамилий известных личностей и исторических деятелей:

Я то ж, что были между Россов
 Бессмертны славою Державин, Ломоносов;
 Переверни меня:
 Я тот, кто изобрел Славянски письма
 (*лирик – Кирилл*) [14: 182].

Если прямо ты прочтешь,
 Город русский назовешь,
 Если слог лишь переставишь,
 То в Америку направишь
 (*Баку – Куба*) [15: 59].

Кто по воде так быстро мчится?
 Найди название ему.
 Прочти иначе – превратится
 Он в детский лагерь, что в Крыму
 (*Катер – Артек*) [16: 152].

Распознать смысл зашифрованного описания и найти его вербальное обозначение может только адресат, обладающий развитой когнитивной базой и общим языковым уровнем мышления с адресантом.

В *дестинативных* анаграммах импликация и одновременно экспликация энigmatов осуществляется посредством указания их целевого предназначения:

Пособием его и зрячий и слепой,
 Не видя, распознает розы;

Его страшат зимой морозы;
Наоборот, он в тьме ночной
Покоит сладкой тишиной
(нос-сон) [17: 322].

Меня употребляют
Хирург, столяр и плотник.
Меня здесь каждый знает,
Хозяин и работник;
Но буквы переставишь –
Садов я украшение.
В лесу ж меня оставишь.
Служу отдохновеньем
Я путникам-туристам,
Коль под мой кров тенистый
Спешат они укрыться
И сладким сном забыться
(пила-липа) [18: 14].

Интерпретационное поле *локативных* анаграмм предполагает апелляцию к ассоциациям по смежности в пространстве, отражающим взаимосвязь между объектами и реалиями материального мира:

Я украшаю луг, поляну,
Цветок для всех знакомый я,
А буквы переставь, я стану
Презлое насекомое
(ромашка-мошкара) [16: 155].

Если просто прочитаешь,
Я расту в лесу, в саду;
Но лишь буквы ты смешаешь –
Я помощница труду
(липа-пила) [19: 536].

Временная характеристика вербализуемых понятий (указание характерного времени года) лежит в основе кодирующей части *темпоративных* анаграмм:

Легко дыша в моей тени
Меня ты летом часто хвалишь.
Но буквы переставь мои –
И целый лес ты мною свалишь
(липа-пила) [16: 152].

Весеннею иль летнею порой
Я тешу взор, читатель, твой
Разнообразием и вместе простотой;
Но спустится зима, ты близь меня проходишь,
И уж ничто тебя не веселит во мне,
Лишь глыбы снежные одне,
Унынье и печаль находишь
И обнаженную природу там,
Где прежде прелестей соединенье
Являлось глазам.
Оборотив меня, найдешь, что по лесам,
По долам, по горам
Нередко раздается
И в отдаление, теряясь, несется
(луг-гул) [9: 230].

Каузативные анаграммы являются самой малочисленной группой и представляют собой апелляцию к причинно-следственным отношениям, характеризующим специфику взаимосвязи между двумя зашифрованными понятиями и лексемами их обозначающими:

Причина, коею бунтовщики мечтают
Быть вправе взволновать народ
Показывает им сама на обороте
Чем казнь за это совершают
(ропот-топор) [14: 192].

Как и другие разновидности энигматического дискурса, жанр анаграммы характеризуется наличием прецедентной (мифологической) образности, посредством которой создается переосмысленная номинация, цель которой – указать на сложные ассоциативные и оценочные отношения, существующие в мировоззрении читателя и отраженные в языковой картине мира:

Читай меня направо:
Я утверждаю все, что истинно и право;
Но быв прочитан слева,
Владенье я Эрева
(да-ад) [13: 219].

Я грозный бог войны; полки на брань веду.
А если трус от страха задрожит,
И с поля битвы побежит,
Переверну – клеймо на лоб ему кладу
(Марс-срам) [20: 219].

Упоминание прецедентной образности: имени Эрева, сына Хаоса и брата Ночи, который в греческой мифологии выступал персонификацией мрака, преисподней [21: 123], и апелляция к имени бога войны выступают в анаграммах своеобразными семантическими маркерами, вызывающими в сознании читателя определенные культурно-исторические ассоциации.

Мифопоэтическая картина мира изображена в анаграмме о потопах, отгадка к которой представляет собой палиндром, на что указывает автор в зачине:

Как ни читай меня, читатель,
А смысла я не изменю:
Читай вперед – я злой каратель,
Весь род людской собой гублю.
Читай назад – все то же слово,
Все тот же бич я для людей:
Через меня все в мире ново,
Хотя для мира я злодей
(потоп) [22: 234].

Создавая энигматический образ, поэт опирается на прецедентные мифологические сюжеты. Концепт «потоп» является неотъемлемой частью исторического и религиозно-философского менталитета христианина. Автор

обращается к ветхозаветному сюжету о Всемирном потопе. Согласно Книге Бытия, потоп явился Божественным возмездием за нравственное падение человечества. Он стал «катаклизмом мирового значения», повлекшим за собой гибель всего живого [23: 819]. Для описания разрушительного воздействия изображаемого им феномена поэт использует когнитивные метафоры, имеющие негативную оценочную семантику: «каратель», «злодей». Несомненно, потоп трактуется им как природная стихия, уничтожающая все на своем пути.

Вместе с тем автор указывает на соиздавательные последствия репрезентируемого им образа: «Через меня все в мире ново». И это уточнение также в полной мере соответствует содержанию эсхатологических мифов, согласно которым, после окончания ливня, продолжавшегося в течение очень длительного периода времени, «начинается новая, часто более праведная жизнь в соответствии с божественными заповедями» [23: 819].

Анализ интерпретационного поля анаграммы позволяет сделать вывод о том, что основная функция этого энigmatического жанра заключается в «образной переосмысленной номинации», цель которой состоит в указании на «сложные ассоциативные, оценочные и иерархические отношения, существующие в народном мировоззрении и отраженные в языковой картине мира» [24: 18]. Прецедентный потенциал энigmatического текста обусловлен архетипическим значением художественного образа, созданного в ней.

Рассматривая сходство анаграммы с другими энigmatическими жанрами, нужно указать на имеющиеся дифференциальные признаки. В отличие от жанра шарады, в котором завуалированное описание энigmatата создается посредством апелляции к ассоциациям по сходству, в основе анаграммы, как правило, лежат ассоциации по контрасту:

В дни лета, жаркою порою,
Могу от зноя вас укрыть;
Прочти назад, могу собою
Обогатить и разорить
(*грот-торг*) [6: 202].

Прямо ты меня прочтешь –
Я безжалостно морю;
Если же перевернешь,
Оживленьем я дарю
(*мор-ром*) [25: 28].

Отдельного внимания заслуживает структурно-композиционная организация анаграммы, а также – способы создания ее кодирующей части, в которой не только раскрываются дифференциальные свойства имплицитных образов, но и характеризуется специфика

их вербального обозначения (или преобразования). Большинство анаграмм представляют собой разделительно-категорические высказывания, в которых делается акцент не только на разности семантической нагрузки энigmatов, но и на отличии в их вербальной репрезентации.

В кодирующей части *императивных* анаграмм утверждается абсолютная идентичность вербальной номинации имплицитных образов:

Направо ли меня, налево ли прочтете,
Одно и то ж во мне найдете.
Природа всех людей,
Всех птиц, всех рыб и всех зверей
Вдвое мной наградила,
И только камбала чудесно отличила
(*око*) [25: 15].

Как меня не прочитай,
Все одно и то же.
Нами занят целый край...
Угадайте, что же?
(*казак*) [25: 116].

Интерпретационное поле *репрезентативных* анаграмм содержит указание характерных признаков и свойств энigmatов. В ней отсутствуют авторские рекомендации по вербализации зашифрованных понятий, что, несомненно, усложняет процесс преобразования закодированного смысла:

Меня часто при слове лиса употребляют,
А меня в пирогах поедают
(*кума-мука*) [18: 14].

На взгляд я небольшая птица,
Охотник это знает всякий,
Но мне нетрудно превратиться я
В породу комнатной собаки
(*дупель-пудель*) [16: 155].

Отдельные анаграммы по способу представления энigmatов и их вербального обозначения напоминают жанр метаграммы, отличительной особенностью которого является замена начальной буквы в исходном слове:

Невелика я, все ж, взгляните, –
Весь мир в себе я отражаю,
А «К» на «Ц» перемените –
Я по болоту зашагаю
(*капля-цапля*) [16: 152].

Подобный подход к изображению имплицитных образов и их эксплицитных аналогов, во-первых, существенно упрощает процесс преобразования кодирующей части, а во-вторых, рассчитан не столько на слуховое восприятие поэтического текста, сколько на визуальное.

Таким образом, анаграмма является культурно-маркированным типом текста. Процесс

преобразования кодирующей части анаграммы предполагает не только привлечение образно-ассоциативного мышления, но и обусловлен языковым опытом адресата. К художественным особенностям анаграммы относятся стереотипность, ассоциативность, прецедентность, смысловая завершенность, прямое преобразование зашифрованного смысла.

Во многих анаграммах реализуется механизм языковой игры, заключающийся не только в составлении новых слов посредством перестановки букв, но и реализующийся в процессе поиска (подбора) слов, имеющих одинаковое прочтение как справа налево, так и слева направо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Селиванова Е. А. Энигматический дискурс: вербализация и когнития. Черкассы: Изд-во Ю. Чабаненко, 2014. 224 с.
2. Денисова Е. А. Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 27 с.
3. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Сов. энцикл., 1966. 376 с.
4. Прокурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 6). М.: ОГИ, 2000. 368 с.
5. Жеребнов А. А. А. Е. Измайлов и его журнал «Благонамеренный» в журнальной полемике 1820-х годов // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 4. С. 21–23.
6. Благонамеренный. СПб., 1820. Ч. 9. 448 с.
7. Благонамеренный. СПб., 1821. Ч. 14. 381 с.
8. Благонамеренный. СПб., 1821. Ч. 15. 428 с.
9. Благонамеренный. СПб., 1820. Ч. 10. 457 с.
10. Овидий. Наука любви II 45–96; Метаморфозы VIII 211–235; Сенека. Эдип 892–908.
11. Благонамеренный. СПб., 1824. Ч. 25. 459 с.
12. Благонамеренный. СПб., 1824. Ч. 26. 438 с.
13. Алферьев В. Загадки на святки. М.: Тип. С. Селивановского, 1831. 30 с.
14. Подарок на святки 1820–1821 годов: увеселительные игры, загадки, шарady и прочее. СПб.: В тип. И. Байкова, 1820. 195 с.
15. Труд и забава. 1906. № 4. 64 с.
16. Шлыкович А. С. Нам не скучно. М.: Дет. лит., 1964. 270 с.
17. Федоров Б. М. Стихотворения для детей, от младшего до старшего возраста, расположенные в двадцати двух отделах: в 2 ч. 2-е изд. Ч. 2. СПб.: Паньков, 1858. 316 с.
18. Деркачев И. П. Забава всему приправа. М.: Изд. А. Д. Ступина, 1897. 32 с.
19. Детское чтение. Т. XIX / под ред. В. П. Острогорского. СПб.: Изд-во В. П. Богородина, 1878.
20. Детская настольная книга, в которой заключаются повести, разговоры, басни, надписи к государям и великим мужам, лирические стихотворения, детский пролог, анекдоты, вопросы, шарady и проч. М.: В тип. Лазаревых, 1843. 256 с.
21. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энцикл., 1990. 672 с.
22. Час досуга. 1860. № 2.
23. Топоров В. Н. Погоп // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энцикл., 1980–1982. Т. 2: К-Я, 1982. 719 с.
24. Семененко Н. Н. Прецедентный потенциал паремий как проблема семантического исследования //

Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2009. № 2 (10). С. 17–23.

25. Сфинкс. Сборник шарад, загадок, ребусов и пр. Занимательное времяпрепровождение для всех возрастов. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 227 с.

REFERENCES

1. Selivanova Ye. A. *Enigmatischeskiy diskurs: verbalizatsiya i kognitsiya* [Enigmatic Discourse: Verbalization and Cognition]. Cherkassy, Izd-vo Yu. Chabanenko, 2014. 224 p. (in Russian).
2. Denisova Ye. A. *Struktura i funktsii enigmaticheskogo teksta (na materiale russkikh zagadok i krossvordov)* [The structure and functions of the enigmatic text (based on Russian riddles and crossword puzzles)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2008. 27 p. (in Russian).
3. Kvyatkovskiy A. P. *Poeticheskiy slovar'* [Poetic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1966. 376 p.
4. Proskurin O. A. *Literaturnyye skandaly pushkinskoy epokhi* [Literary scandals of the Pushkin era (Materials and research on the history of Russian culture. Iss. 6)]. Moscow, OGI, 2000. 368 p. (in Russian).
5. Zherebnov A. A. A. E. Izmaylov and his Magazine "Blagonamerenniy" in the Magazine Controversy of the 1820s. *RSUH/RGGU Bulletin. Ser. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, 2015, no. 4, pp. 21–23 (in Russian).
6. Blagonamerenny [Well-meaning]. Saint Petersburg, 1820. Ch. 9. 448 p. (in Russian).
7. Blagonamerenny [Well-meaning]. Saint Petersburg, 1821. Ch. 14. 381 p. (in Russian).
8. Blagonamerenny [Well-meaning]. Saint Petersburg, 1821. Ch. 15. 428 p. (in Russian).
9. Blagonamerenny [Well-meaning]. Saint Petersburg, 1820. Ch. 10. 457 p. (in Russian).
10. Ovidiy. *Nauka lyubvi II* [Ovid. Science of Love II] 45–96; *Metamorfozy VIII* [Metamorphoses VIII] 211–235; *Seneka. Edip* [Seneca. Oedipus] 892–908 (in Russian).
11. Blagonamerenny [Well-meaning]. Saint Petersburg, 1824. Ch. 25. 459 p. (in Russian).
12. Blagonamerenny [Well-meaning]. Saint Petersburg, 1824. Ch. 26. 438 p. (in Russian).
13. Alfer'yev V. *Zagadki na svyatki* [Riddles for Christmastide]. Moscow, Tip. S. Selivanovskogo, 1831. 30 p. (in Russian).
14. *Podarok na svyatki 1820–1821 godov: uveselitel'nyye igry, zagadki, sharady i procheye* [Gift for Christmastide 1820–1821: fun games, riddles, charades and more]. Saint Peterburg, Tip. I. Baykova, 1820. 195 p. (in Russian).
15. *Trud i zabava* [Work and fun], 1906, no. 4, 64 p. (in Russian).

16. Shlykovich A. S. *Nam ne skuchno* [We are not bored]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1964. 270 p. (in Russian).
17. Fedorov B. M. *Stikhotvoreniya dlya detey, ot mladshego do starshego vozrasta, raspolozhennyye v dvadtsati dvukh otdelakh: v 2 ch. 2-ye izd.* [Poems for children, from younger to older, located in twenty-two sections : in 2 h. 2nd ed.] Saint Petersburg, Pan'kov, 1858. Vol. 2. 316 p. (in Russian).
18. Derkachev I. P. *Zabava vsemu priprava* [Fun for everything]. Moscow, Izd. A. D. Stupina, 1897. 32 p. (in Russian).
19. *Detskoye chteniye* [Children's reading], vol. XIX. Saint Petersburg, Izd-vo V. P. Bogorodina, 1878 (in Russian).
20. *Detskaya nastol'naya kniga, v kotoroi zaklyuchayutsya povesti, razgovory, basni, nadpisi k gosudaryam i velikim muzham, liricheskie stikhotvoreniya, detskii prolog, anekdoty, voprosy, sharady i proch.* [Children's reference book, which contains stories, conversations, fables, inscriptions to sovereigns and great men, lyric poems, children's prologue, anecdotes, questions, charades, etc.]. Moscow, V tip. Lazarevykh, 1843. 256 p. (in Russian).
21. *Mifologicheskiy slovar'* : gl. red. Ye. M. Meletinskiy [Meletinskiy Ye. M., ed. Mythological dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 672 p. (in Russian).
22. *Chas dosuga* [Leisure hour], 1860, № 2 (in Russian).
23. Toporov V. N. Potop [Flood]. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediya : v 2 t. : gl. red. S. A. Tokarev* [Tokarev S. A., ed. Myths of the peoples of the world: encyclopedia : in 2 vol.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 2008. 1980–1982. T. 2 : Q-Z. 1982. 719 p. (in Russian).
24. Semenenko N. N. Precedent Potencial of paremies as an Issue of Semantic Research. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, Ser. 2 : Yazykoznanie*, 2009, № 2 (10), pp. 17–23 (in Russian).
25. *Sfinks. Sbornik sharad, zagadok, rebusov i pr. Zanimatel'noye vremyapreprovzhden'ye dlya vsekh vozrastov* [Collection of charades, riddles, puzzles, etc. An entertaining pastime for all ages]. Saint Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova, 1889. 227 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Струкова Т. В. Анаграмма как энигматический жанр // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 302–309. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-302-309>

For citation

Strukova T. V. Anagram as an Enigmatic Genre. *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 302–309 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-302-309>

Поступила в редакцию: 17.01.2020 / Принята: 23.03.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Received: 17 January 2020 / Accepted: 23 March 2020 / Published: 30 November 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)